ЗАПИСКИ
Русскаго научно-изслѣдовательскаго
объединенія въ Прагѣ.
Томъ XI (ст. сер. т. XVI.)

ROZPRAVY
Ruské Vědecké společnosti badatelské v Praze

ABHANDLUNGEN
der russischen Forschungsgesellschaft in Prag.
Bd. XI (XVI).

№ 78.

П. А. Остроуховъ

Изъ исторіи русскаго денежнаго обращенія.

Приложеніе:

А. Н. Фатѣевъ. Къ ассигнаціонной реформѣ 1839 года.
(Историческая справка.)

РУССКІЙ СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПРАГѢ
PRAHA 1941

P. A. Ostrouchow, — Aus der Geschichte des Geldumlaufs in Russland.
A. N. Fatejew, — Zur Assignatenreform von 1839. (Eine geschichtliche Notiz.).

FREIE RUSSISCHE UNIVERSITÄT ZU PRAG.
Prag 1941.

Philadelphia, PA Dezember 2006.

REDAKČNÍ COMITÉ:

President: prof. Dr. W. Iljin.
Redaktoři: sekce philos., histor. a social. prof. Ar. Fatéev,
sekce věd přírod. a mathem.: prof. Dr. B. Odincov.
Sekretáři: prof. D. Ivantzov a prof. Dr. P. Ostrouchov.
Adresa: Ruská svobodná universita, Praha II., Příčná 2.

Nr. 1. N. O. Lossky: Intellectual Intuition and Ideal Being.
Nr. 2. Hessen: Weltanschauung, Ideologie, Bildung.
Nr. 3. П. А. Остроухов: Всероссійскій товарообмѣнъ в Н. Новгородѣ.
Nr. 4. W. S. Iljin: The point of death of plants at low temperatures.
Nr. 5. М. В. Шахматов: Исполнительная власть в Московской Руси.
Nr. 6. J. Lapchine: La synérgie spirituelle.
Nr. 7. Ar. Fatéev: La constitution russe de 1809.
Nr. 8. E. Smurlo: L'histoire de la Russie au point de vue de ses conditions géographiques.
Nr. 9. G. Sirjaev: Die Entwicklungsgeschichte der Gattung Trigonella.
Nr. 10. K. Gavrilov: Contributions à l'étude de l'autofécondation chez les Métazoaires hermaphrodites.
Nr. 11. П. Ф. Миловидов: Новая глава из жизни Грегора Менделя.
Nr. 12. N. O. Lossky: Intuitivism.
Nr. 13. W. S. Iljin: The relation of cell sap concentration to cold resistance in plants.
Nr. 14. П. А. Остроухов: Москва и ея промышленная область на Нижегородской ярмаркѣ в 1822 г.
Nr. 15. N. Podtiaguine: Sur les produits canoniques d'ordre infini.
Nr. 16. Ar. Fatéev: Le problème de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité historique d'Alexandre I. Part. I.
Nr. 17. Boris Lossky: I. B. A. Le Blond, architecte de Pierre le Grand, son oeuvre en France.
Nr. 18. G. Širjaev: De Albi serie sect Orobus gen Lathyrus. I.
Nr. 19. M. Novikoff: L'homomorphie comme base méthodologie d'une morphologie comparée.
Nr. 20. П. А. Остроухов: Озерная, лѣсная и степная области Россіи на Нижегородской ярмаркѣ в 1822 г.

Nach dem Original an der Yale Universitätsbibliothek. Aufbewahrt unter A34P|297|78|Yale.

Изъ исторіи русскаго денежнаго обращенія.

(Простонародные лажи и торговля деньгами на Нижегородской ярмаркѣ.[1])

П. А. Остроуховъ.

I.

5-го іюля 1939 года исполнилось сто лѣтъ со дня опубликованія Высочайшаго манифеста 1 іюля 1839 года, положившаго начало ряду законодательныхъ актовъ, которыми была проведена реформа русскаго денежнаго обращенія, связанная съ именемъ тогдашняго министра финансовъ графа Канкрина. Какъ извѣстно, сущность этой реформы сводилась къ тому, что ходившіе до того времени бумажные денежные знаки, т. н. ассигнаціи, были изъяты изъ обращенія и замѣнены новыми денежными знаками — государственными кредитными билетами, размѣнивавшимися полностью на звонкую монету. При обмѣнѣ ассигнацій на кредитные рубли одинъ рубль кредитный былъ приравненъ 3 руб. 50 копѣйкамъ ассигнаціями.

Высочайшій манифестъ 1 іюля 1839 года представлялъ собою первый, чрезвычайно важный шагъ въ направленіи къ вышеизложенной реформѣ, создающій для нея твердую почву. Разрѣшая производить платежи по всѣмъ сдѣлкамъ безъ различія серебромъ или ассигнаціями, манифестъ устанавливаетъ твердый курсъ для ассигнацій на серебро: приравниваетъ серебряный рубль къ тремъ съ половиной рублямъ ассигнаціями. Въ то же время манифестъ дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе въ экономической жизни тогдашней

[1]) Авторъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что вопросы о простонародномъ лажѣ на ассигнаціи и о торговлѣ деньгами на Нижегородской ярмаркѣ были уже вкратцѣ затронуты имъ въ его статьѣ «Къ вопросу о кредитныхъ и платежныхъ отношеніяхъ на Нижегородской ярмаркѣ въ первой половинѣ XIX столѣтія» (Сборникъ статей, посвященныхъ П. Б. Струве. Прага, 1925, стр. 336—339). Въ настоящей статьѣ для освѣщенія тѣхъ же вопросовъ авторомъ использованъ другой, болѣе обширный матеріалъ.

Россіи одного весьма отрицательнаго явленія, именно т. н. «простонароднаго лажа» на ассигнаціи.

Настоящая статья имѣетъ своей задачей выяснить природу и примѣненіе на практикѣ т. н. «простонароднаго» лажа на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя автору удалось извлечь изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи торговли на Нижегородской ярмаркѣ въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Чтобы понять причину появленія въ Россіи особаго лажа на ассигнаціи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что до 1839 года въ Россіи обращалась золотая и серебряная монета, ассигнаціи и мѣдная монета. Послѣдняя вслѣдствіе своей тяжести была черезвычайно неудобна для производства платежей на значительныя суммы, а ассигнацій было въ обращеніи недостаточно сравнительно съ потребностями оборота, а потому ассигнаціи, особенно крупныхъ купюровъ, ходили съ надбавкой, которая и называлась «простонароднымъ лажемъ». «Удобства, представляемыя ассигнаціями», говоритъ авторъ помѣщенной въ Сѣверной Пчелѣ (за 1839 г., № 84) статьи «О лажѣ», «при пересылкѣ платежей на дальнія разстоянія, заставили избрать ихъ на сіе назначеніе преимущественно передъ прочими родами монетъ. По сей причинѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ сосредоточивается большое количество государственныхъ и частныхъ доходовъ, онѣ всегда находились въ гораздо большемъ числѣ, нежели въ какой либо другой части Россіи, и напротивъ, по той же мѣрѣ, внутри Россіи обращалось болѣе серебра и золота въ сравненіи съ ассігнаціями, нежели въ С.-Петербургѣ».[2])

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что Россія въ то время знала лажъ въ двухъ проявленіяхъ. Первое его проявленіе заключалось въ томъ, что серебряная и золотая монета ходили съ лажемъ по сравненію съ обезцѣненными ассигнаціями. Ассигнаціонный рубль въ эти годы стоилъ около 28 копѣекъ серебромъ. Это былъ его биржевой курсъ. Другое проявленіе лажа заключалось въ томъ, что сами эти обезцѣненныя ассигнаціи ходили съ лажемъ по отношенію къ другому платежному средству — мѣдной и мелкой серебряной монетѣ. Этотъ т. н. «простонародный» лажъ постоянно колебался и былъ неодинаковъ въ различныхъ пунктахъ Имперіи, чѣмъ создавались поводы для всякихъ спекуляцій и неудобства при расчетахъ. Въ зависимости отъ высоты лажа, сторублевая ассигнація получала цѣнность въ 118, 119,

---

[2]) Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что появленію лажа на ассигнаціи содѣйствовали правительственныя распоряженія 1812 и 1817 гг., предписывавшія принимать въ казну всѣ подати и сборы только государственными ассигнаціями или мѣдною монетою.

120 и т. д. рублей ассигнаціями, а серебряный рубль оцѣнивался на ассигнаціи соотвѣтственно на 18, 19, 20 и т. д. %% дороже нормальнаго курса, который около 1838 года твердо держался на 28 коп. серебромъ за 1 ассигнаціонный рубль. Каждая область Имперіи имѣла свой особый лажъ на деньги. Такъ, напримѣръ, въ 1838 году въ Остзейскомъ краѣ серебряный рубль стоилъ 3 рубля 60 копѣекъ ассигнаціями, тогда какъ въ Малороссіи онъ ходилъ по 4 рубля ассигнаціями. Въ Малороссіи послѣ начала какой нибудь крупной ярмарки (напр., Ильинская въ Ромнахъ, Полтавской губ.) серебряный рубль повышался въ цѣнѣ съ 4 рублей асс. до 4 руб. 30 коп. — 4 руб. 40 коп. асс. Существованіе столь различныхъ и притомъ постоянно колебавшихся курсовъ на деньги въ отдѣльныхъ частяхъ Имперіи создавало весьма благопріятную почву для спекуляціи, вносило большую неопредѣленность въ коммерческіе расчеты и производило замѣшательство въ счетоводствѣ при расплатахъ частныхъ лицъ съ казною и казенными учрежденіями. Частныя лица, получавшія жалованье или плату по «народному курсу», несли значительныя потери: положимъ, если кому-нибудь слѣдовало получить по условію 1000 руб. асс., то при повышеніи курса сторублевой ассигнаціи до 118 руб. асс., онъ получалъ только 820 рублей асс.[3])

Эти особенности нашего денежнаго обращенія не ускользнули отъ путешествовавшаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія по Россіи маркиза де-Кюстина, хотя онъ и не понялъ ихъ природы. «Вы знаете», говоритъ онъ, «что въ Россіи два знака представляютъ товары: бумага и монета; но вы, быть можетъ, не знаете, что послѣдняя — я полагаю, что это единственный случай въ исторіи финансовъ, — постоянно измѣняется въ цѣнности, тогда какъ ассигнаціи остаются неизмѣнными»... «Въ Россіи монета представляетъ бумагу (т. е. колеблется въ курсѣ подобно бумажныхъ деньгамъ П. О.), хотя послѣдняя была учреждена и существуетъ легально только для того, чтобы представлять монету».[4])

Изъ приведенныхъ словъ де-Кюстина видно, что его удивляли измѣненія цѣнности монеты сравнительно съ ассигнаціями не смотря на то, что ассигнаціонный рубль въ то время устойчиво держался на 28 коп. серебромъ. Но онъ не могъ понять, что эти измѣненія были слѣд-

[3]) Варадиновъ, Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ч. III, кн. 2, стр. 431.

[4]) Le Marquis de Custine, La Russie en 1839. Paris 1843. Tome IV, p. 253.

ствіемъ постоянно колеблющагося «простонароднаго» лажа на бумажныя деньги.

Существованіе лажа на ассигнаціи приводило къ тому, что на внутреннемъ рынкѣ Россіи на одинъ и тотъ же товаръ могли быть одновременно двѣ цѣны: одна — «монетою», то-есть такая, которую покупатель уплачивалъ продавцу мѣдной монетой, и другая — «ассигнаціями», которая была ниже первой на опредѣленный процентъ, соотвѣтствовавшій лажу на ассигнаціи, и которую уплачивали продавцу ассигнаціями. Но, конечно, обѣ эти цѣны выражались въ ассигнаціонныхъ рубляхъ. Такъ какъ процентъ лажа на ассигнаціи постоянно увеличивался (на Нижегородской ярмаркѣ съ 8% въ 1829 году онъ возросъ до 20% въ 1838 году), это давало основаніе современникамъ утверждать, что «монетный рубль можно измѣнять по волѣ» и что «мѣнялы стали почти ежемѣсячно уменьшать монетный рубль»,[5]) т. е. вычитать изъ него тотъ или иной % лажа на ассигнаціи.

На Нижегородской ярмаркѣ цѣны товаровъ выражались обыкновенно «монетою» за исключеніемъ чаевъ, которые оптомъ всегда продавались «на ассигнаціи». Понятно поэтому, что и лажъ на ассигнаціи окончательно опредѣлялся на ярмаркѣ около третьяго августа, т. е. къ моменту продажи чаевъ изъ первыхъ рукъ.

Простонародный лажъ часто являлся источникомъ обогащенія для смѣтливыхъ торговцевъ, возившихъ съ ярмарки товары на продажу въ такія мѣста Россіи, гдѣ лажъ былъ ниже или его вовсе не существовало. Положимъ, офеня купилъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ товару на 100 рублей «монетою» или (при лажѣ въ 20%) на 80 рублей «ассигнаціями». Въ Сибири, гдѣ лажа не было, онъ продавалъ этотъ товаръ за сто рублей ассигнаціями и, вернувшись на слѣдующую ярмарку въ Нижній, платилъ своему кредитору деньги съ учетомъ прошлогодняго лажа на ассигнаціи, т. е. 80 рублей «ассигнаціями». Такимъ образомъ, его барышъ на одной только разницѣ въ курсѣ денегъ составлялъ 20%.

Реформа графа Канкрина, упорядочившая русское денежное обращеніе, уничтожила простонародный лажъ на ассигнаціи и сдѣлала эти спекуляціи невозможными. Высочайшій манифестъ отъ 1 іюля 1839 года установилъ твердый курсъ и для мѣдной монеты, приравнивая одному серебряному рублю 3 рубля 50 копѣекъ мѣдной монетой, и строжайше воспретилъ употреблять при новыхъ сдѣлкахъ т. н.

---

[5]) Морозовъ П., О лажѣ на деньги, существующемъ во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ (Сѣверная Пчела, 1839 г., № 62).

«счетъ на монету».[6]) Изданное Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ «извѣщеніе» даетъ вполнѣ конкретныя указанія о томъ, какъ слѣдуетъ примѣнять на практикѣ установленныя Высочайшимъ манифестомъ правила. «За ту вещь», говорится въ «извѣщеніи», или за ту работу, которая стоила прежде 4 рубля 50 копѣекъ «на монету», нынѣ цѣна должна быть поставлена 1 рубль серебромъ или 3 рубля 50 копѣекъ ассигнаціями»... «Цѣны всѣхъ предметовъ должны быть понижены съ отсѣченіемъ лажа, который прежде въ сихъ цѣнахъ заключался, напримѣръ, та вещь или работа, которая стоила прежде 6 рублей 35 копѣекъ «на монету», нынѣ должна стоить 5 рублей ассигнаціями или 1 рубль $42^{6}/_{7}$ коп. серебромъ»... «Но если кто оставляетъ прежнія цѣны, а принимаетъ деньги по курсу 3 рубля 50 коп., то таковой прямо обманываетъ другихъ и поступая противно распоряженіямъ правительства, какъ ослушникъ Высочайшей воли, подвергаетъ себя строгому наказанію». «Извѣщеніе» признаетъ недопустимымъ, что «рабочіе люди за работу и крестьяне за свои произведенія хотятъ получить тоже число ассигнаціями, какое прежде получали монетою».[7])

Приведенныя цитаты изъ «Извѣщенія» Московскаго военнаго генералъ губернатора даютъ автору основаніе сдѣлать слѣдующее методологическое замѣчаніе, могущее имѣть значеніе при изученіи исторіи цѣнъ въ Россіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для сравненія цѣнъ, выраженныхъ въ ассигнаціонныхъ рубляхъ и копѣйкахъ, съ цѣнами, выраженными въ серебрянныхъ и кредитныхъ рубляхъ, приходится переводить цѣны перваго рода на серебро, необходимо сначала выяснить, съ какого рода цѣной изслѣдователь имѣетъ дѣло: съ цѣной «монетою» или съ цѣной «ассигнаціями». Если рѣчь идетъ о цѣнѣ «монетой», то слѣдуетъ сначала уменьшить ее на принятый въ то время и въ томъ мѣстѣ, къ которымъ она относится, лажъ на ассигнаціи, а потомъ уже переводить ее на серебро.

Администрація Нижегородской ярмарки, повидимому, не была увѣрена въ томъ, что установленіе твердаго курса для ассигнацій и запрещеніе счета « на монету» не вызовутъ на ярмаркѣ какихъ нибудь нежелательныхъ явленій. Какъ сообщаетъ упомянутый уже нами маркизъ де-Кюстинъ, посѣтившій Нижегородскую ярмарку въ 1839 году, нижегородскій губернаторъ Бутурлинъ въ самомъ началѣ ярмарки пригласилъ къ себѣ наиболѣе видныхъ представителей купечества и

[6]) Сѣверная Пчела, 1839 г., № 148.
[7]) Сѣверная Пчела, 1839 г., № 190.

обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой изложивъ всѣ неудобства существовавшаго тогда въ Россіи бумажно-денежнаго обращенія, заявилъ, что единственное средство избавиться отъ этихъ неудобствъ заключается въ установленіи твердаго соотношенія между цѣнностью серебрянаго и ассигнаціоннаго рублей, что воля Государя Императора такова, чтобы указъ о денежной реформѣ былъ введенъ въ дѣйствіе немедленно, и что онъ, Бутурлинъ, надѣется, что никакіе частные интересы не возобладаютъ у купечества надъ долгомъ безпрекословнаго повиновенія Высочайшей волѣ. Купцы отвѣчали, что мѣропріятіе правительства, само по себѣ благодѣтельное, разстроитъ наиболѣе прочныя купеческія состоянія, если оно будетъ примѣнено къ сдѣлкамъ, заключеннымъ ранѣе и только подлежащимъ исполненію въ настоящую ярмарку. Благословляя и восхваляя глубокую мудрость Императора, купцы нижайше представляли г. губернатору, что тѣ изъ торгующихъ, кои продали свои товары за цѣну, опредѣленную согласно прежнему курсу денегъ, и добросовѣстно заключили сдѣлки на основаніи существовавшаго на прошлогодней ярмаркѣ соотношенія между серебрянымъ и ассигнаціоннымъ рублями, — окажутся вынужденными удовлетвориться убыточными для нихъ платежами со стороны ихъ должниковъ, производимыми на основаніи новаго закона. Этотъ узаконенный обманъ, лишающій ихъ прибыли или по крайней мѣрѣ значительно уменьшающій барышъ, на который они имѣютъ право расчитывать, можетъ ихъ раззорить, если настоящему закону придать обратную силу. Это вызвало бы множество мелкихъ частичныхъ банкротствъ, которыя не замедлили бы повлечь за собою и полныя банкротства. На это губернаторъ возразилъ, что неблагопріятныя послѣдствія новаго закона, которыхъ опасаются купцы, угрожаютъ только нѣсколькимъ частнымъ лицамъ, интересы которыхъ къ тому же охраняются строгими законами относительно банкротствъ, тогда какъ промедленіе въ исполненіи новаго закона всегда немного походитъ на сопротивленіе ему и что примѣръ, подаваемый въ семъ отношеніи торговымъ пунктомъ, наиболѣе значительнымъ во всей Имперіи, повлекъ бы за собою затрудненія, болѣе страшныя для государства, чѣмъ нѣсколько банкротствъ, которыя въ конечномъ счетѣ причиняютъ ущербъ только малому числу лицъ; тогда какъ неповиновеніе, одобренное и оправданное лицами, кои до сихъ поръ пользовались довѣріемъ правительства, нанесло бы ущербъ почитанію Монарха и административному и финансовому единству Россіи, т. е. жизненнымъ началамъ Имперіи. Бутурлинъ прибавилъ, что на основаніи этихъ столь вѣскихъ соображеній онъ не сомнѣвается въ готовности

купечества избѣжать чудовищнаго упрека въ принесеніи имъ государственнаго интереса въ жертву своимъ частнымъ выгодамъ. Онъ увѣренъ, что купечество гораздо больше боится одной тѣни обвиненія въ преступномъ нарушеніи имъ своего гражданскаго долга, чѣмъ всѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя оно понесетъ добровольно со славой, въ своемъ патріотическомъ рвеніи.

Впослѣдствіи Бутурлинъ сообщилъ де-Кюстину, что результатъ этой бесѣды его съ купечествомъ превзошелъ всѣ его ожиданія. На ярмаркѣ не случилось ни одного банкротства. Всѣ новыя сдѣлки были заключены въ соотвѣтствіи съ постановленіями новаго закона. Изъ должниковъ по ранѣе заключеннымъ сдѣлкамъ никто не воспользовался постановленіями новаго закона въ ущербъ своимъ кредиторамъ .[8]) Съ этимъ отзывомъ Бутурлина согласуются сообщенія и другихъ наблюдателей ярмарокъ 1839 и 1840 годовъ.[9])

II.

Производя въ громадныхъ размѣрахъ торговлю всѣми главнѣйшими русскими товарами, Нижегородская ярмарка, естественно, не могла обойтись безъ торговли золотой и серебряной русской и иностранной монетой. Въ 1830 и 1831 г. г. правительствомъ былъ разрѣшенъ безпошлинный вывозъ за границу иностранной и русской золотой и серебряной и русской платиновой монеты.[10]) Однако это распоряженіе не распространялось на Кяхту, гдѣ съ 1800 года русскіе купцы могли вести съ китайцами только мѣновую торговлю, причемъ употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ было строжайше запрещено. Обращавшаяся на ярмаркѣ звонкая монета была самыхъ разнообразныхъ видовъ. Такъ, напримѣръ, на ярмаркахъ 1835 и 1838 г. г. мы встрѣчаемъ золотую монету: русскую (имперіалы и полуимперіалы), французскую (40 фр. и 20 фр.), австрійскую и сардинскую (20 лиръ); платиновую монету русскую (3 рубля); серебряную монету: рубли и полтинники стараго и новаго чекана, польскіе злотые, пятизлотые и десятизлотые, французскіе пятифранковики, талеры испанскіе, голландскіе, прусскіе, баварскіе, австрійскіе и, наконецъ, испанскіе піастры. Кромѣ того, на ярмаркѣ про-

---

[8]) de Custine р. р. 253—257.

[9]) Корреспонденція изъ Нижняго Новгорода отъ 15 августа 1839. (Ком. Газ., 1839 г., № 100); Ком. Газ., 1840 г., № 122.

[10]) Второе Полное Собраніе законовъ, т. V, 3974; т. VI, 4791.

давалась мелкая серебряная монета (см. приложеніе I «Расцѣнка русской и иностранной монеты, обращавшейся на Нижегородской ярмаркѣ въ 1835 и 1838 г.»).

Въ приложеніи II приведены цифровыя данныя о торговлѣ мѣняльнаго ряда. Данныя эти, выбранныя авторомъ изъ ежегодныхъ оффиціальныхъ обзоровъ ярмарки, неоднородны и сравнимы не за весь изучаемый нами періодъ. За годы 1820—1827 и 1850—1860 имѣются свѣдѣнія о размѣрахъ произведеннаго промѣна, а съ 1830 г. по 1849 г. ярмарочные обзоры указываютъ общую сумму, на которую было въ ряду монеты золотой, серебряной и мѣдной. Какъ распредѣлялась эта сумма между различными металлами, намъ извѣстно лишь относительно 1838 года. Въ этомъ году мѣнялы привезли на ярмарку монеты: русскимъ золотомъ на 3 милліона руб. асс., иностраннымъ золотомъ на 800.000 рублей асс., платиною на 25.000 рублей асс., серебромъ на 1 милліонъ рублей асс. и мѣдью на 15.000 рублей асс., а всего на 4.840.000 рублей асс.[11])

Сопоставляя данныя ярмарочныхъ обзоровъ, можно всетаки видѣть, что торговля мѣняльнаго ряда въ теченіе изучаемаго нами періода исторіи Нижегородской ярмарки испытывала рядъ измѣненій. Послѣ сильнаго подъема въ 1822 году торговля мѣняльнаго ряда сильно сократилась въ 1825—1827 г. г. Въ обзорахъ ярмарки говорится, что въ 1825 году звонкой монеты на ярмаркѣ въ обращеніи было «въ пятую долю менѣе, чѣмъ въ прошедшемъ годѣ», а незначительность промѣна въ 1826 году объясняется тѣмъ, что «азіаты и евреи старались сбывать свои товары съ уступкою на звонкую монету», которая поэтому и не поступала въ мѣняльный рядъ. Наконецъ, сильное сокращеніе оборотовъ мѣняльнаго ряда въ 1827 году должно быть, по мнѣнію автора, поставлено въ связь съ происходившей тогда русско-персидской войной. Замѣтное увеличеніе оборотовъ ряда въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія можно поставить въ связь съ разрѣшеніемъ въ это же время безпошлиннаго вывоза за границу иностранной и русской золотой, серебряной и платиновой монеты. Чрезвычайно упали обороты ряда въ 1844 году. Здѣсь, вѣроятно, сказалось отсутствіе въ этомъ году на ярмаркѣ бухарцевъ. Сокращеніе размѣна въ 1856 году, конечно, объясняется обстоятельствами военнаго времени: съ одной стороны дѣйствіемъ запрещенія вывоза за границу звонкой монеты, а съ другой стороны — вызваннымъ войною разстройствомъ нашей внѣшней черноморской и закавказской торговли.

---

[11]) Сѣверная Пчела, 1838 г., № 219.

Главными кліентами мѣняльнаго ряда, а иногда и конкуррентами мѣнялъ по скупкѣ звонкой монеты были разнаго рода восточные купцы — «азіатцы»: бухарцы, персіяне, хивинцы, ташкентцы, тифлисскіе, нахичеванскіе и евпаторійскіе армяне. Они продавали свои товары за наличныя доньги, не допуская обыкновенно кредита, и при этомъ дѣлали скидки, если имъ платили за товаръ золотой монетой. На часть (¼—⅓) вырученныхъ денегъ они покупали необходимые имъ русскіе товары, а на остальныя деньги пріобрѣтали у частныхъ лицъ и въ мѣняльномъ ряду звонкую монету, главнымъ образомъ, золотую. П. И. Мельниковъ опредѣляетъ ежегодный вывозъ золотой монеты съ ярмарки въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія персіянами въ 300.000 руб. серебромъ, бухарцами, хивинцами и ташкентцами въ 412.500 руб. серебромъ.[12]) Къ началу 60-хъ годовъ XIX столѣтія вывозъ звонкой монеты съ ярмарки возросъ въ Персію — до 2-хъ милл. рублей серебромъ и въ Среднюю Азію до 1 милл. рублей серебромъ.[13])

Въ 1854 году произошли важныя перемѣны какъ въ русской торговой политикѣ по отношенію къ Китаю, такъ и въ денежномъ обращеніи Россіи, и перемѣны эти не могли не отразиться на торговлѣ на ярмаркѣ звонкой монетой. Прежде всего было разрѣшено русскимъ купцамъ вымѣнивать въ Кяхтѣ чай на серебряныя издѣлія, а черезъ годъ (положеніе 1-го августа 1855 года) отмѣненъ принудительный мѣновой характеръ этой торговли и разрѣшенъ вывозъ въ Китай золота въ монетѣ и слиткахъ и серебра въ слиткахъ и въ монетѣ иностраннаго чекана.[14]) Поэтому съ 1854 года ряды кліентовъ мѣняльнаго ряда дополняются кяхтинскими торговцами, которые въ связи съ вышеуказанными измѣненіями кяхтинскаго торга, начинаютъ предъявлять спросъ сначала на серебряныя издѣлія, а затѣмъ и на полуимперіалы, покупая послѣдніе съ лажемъ.[15]) Въ 1854 году, вслѣдствіе Крымской войны былъ пріостановленъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро и на три года (1854—1857) запрещенъ вывозъ за границу россійской золотой монеты.[16]) Но на Кяхту это запрещеніе не распространялось. Свободнымъ оставался также вывозъ за границу серебряной монеты иностраннаго чекана. Естественныя послѣдствія установленія бумажной валюты не замедлили обнаружиться на ярмаркѣ въ видѣ недостатка звонкой монеты, особенно серебряной, которая продавалась съ

---

[12]) Мельниковъ П., Нижегородская ярмарка въ 1843—1845 гг., стр. 266 и 276.
[13]) Сѣверная Почта, 1863 г., № 193, Письмо 7-ое «Съ Волги», стр. 786.
[14]) Второе П. С. З., т. XXX, 29554. 29634, 29662; т. XXXII, 31721.
[15]) Дѣло Архива М. ВНД., 1855 г., № 49, стр. 32.
[16]) Второе П. С. З., т. XXIX, 27965..

лажемъ и исчезала изъ обращенія. Такъ, лажъ на золотой пятирублевикъ (полуимперіалъ) составлялъ: въ 1855 г. отъ 40 до 75 копѣекъ; въ 1857 году отъ 25 копѣекъ до 1 рубля; въ 1858 году — 46 коп. — 50 коп.; въ 1859 году — 65 коп. и въ 1860 году — 55 коп. На 1000 рублей серебряной монеты платили лажа: въ 1855 году — 20 рублей; въ 1857 году отъ 15 рублей до 55 рублей а за новые рубли отъ 65 до 70 рублей; въ 1858 году — отъ 26 до 30 рублей; въ 1859 году — 50 рублей и въ 1860 году — отъ 60 до 90 рублей.[17]) Паденіе лажа на полуимперіалы въ 1858 году объяснялось неприбытіемъ во время карановъ съ бухарскими и хивинскими товарами, слѣдствіемъ чего было сокращеніе спроса на золотую монету со стороны бухарцевъ и хивинцевъ.

---

[17]) Серебряные пятифранковики продавались за фунтъ въ 1857 г. по 22 рубля 50 коп. (продано ихъ до 10.000 фунтовъ) и въ 1858 году по 23 рубля; испанскіе талеры за фунтъ въ 1859 году по 23 рубля 50 коп., а въ 1860 году по 23 рубля 25 копѣекъ.

Приложеніе I.

Расцѣнка русской и иностранной монеты, обращавшейся на Нижегородской ярмаркѣ въ 1835 и 1838 г. г.*)

Названіе монеты.	Цѣна монеты въ ассигнаціяхъ въ 1835 г.	1838 г.
Россійская:		
Золотая: имперіалъ	42 р. 60 к.	—
полуимперіалъ	—	21 р. 75 к.
червонецъ	—	12 р. 50 к.
Серебряная: рубль старый	4 р. 60 к.	4 р. 70 к.
рубль новый	—	4 р. 25 к.
полтинникъ старый	—	2 р. 35 к.
полтинникъ новый	—	2 р. 20 к.
рубль новаго чекана мелочью	—	4 р. 60 к.
злотый или 15 коп.	—	— 69 к.
пятизлотый или 75 коп.	—	3 р. 15 к.
десятизлотый	—	6 р. 30 к.
Платиновая: три рубля	12 р. 30 к.	12 р. 75 к.
Иностранная:		
Золотая: 20 франковая	—	21 р. —
40 франковая	42 р. —	—
австрійская	36 р. —	—
сардинская (20 лиръ)	21 р. —	—
Серебряная: 5-ти франковая	5 р. 15 к.	—
талеръ: голландскій	5 р. 60 к.	5 р. 70 к.
прусскій	5 р. 60 к.	5 р. 70 к.
баварскій	5 р. 60 к.	—
австрійскій	5 р. 40 к.	5 р. 50 к.
піастръ испанскій	5 р. 60 к.	5 р. 70 к.

*) Коммерческая Газета за 1835 г., № 132. Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ, 1838 г., т. 6, стр. 78.

Приложеніе II.

Годы	Мѣняльный рядъ.		Продано товаровъ на ярмаркѣ на
		Ассигнаціи	
1820	Промѣнено ассигнацій, золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ на	365.000	106.967.631
21	„	378.000	84.279.742
22	„	1.600.000*)	49.607.125
23	„	835.000	49.642.715
24	„	436.000	40.513.673
25	„	246.000	46.845.824
26	„	368.000	47.932.546
27	„	157.000	52.410.926
28	„		57.371.399
29	„		86.014.092
1830	Было въ оборотѣ на	1.650 000	91.281.940
31	„	1.620.000	97.616.025
32	„	1.720.000	116.158.508
33	Было монеты на	1.375.000	117.210.676
34	„	896.000	107.693.395
35	„	1.014.000	116.965.740
36	„		126.514.045
37	„	1.423.000	125.567.881
38	„	4.840.000	129.234.580
39	„	4.895.000	137.100.774
		кредитные рубли	
1840	„	1.402.000	38.828.987
41	„	1.267.000	41.704.200
42	„	1.465.000	38.446.600
43	„	1.472.000	39.119.900
44	„	340.000	42.741.800
45	„	963.000	48.650.100
46	„	880.000	50.345.500
47	„	700.000	48.725.900
48	„	859.000	43.763.700
49	„	1.500.000	45.541.500
1850	Размѣнено монеты золотой, серебряной и мѣдной на	625.000	46.293.300
51	„	567.000	53.690.400
52	„	483.900	57.808.900
53	„	580.000	54.417.700
54	„	473.000	50.180.500
55	„	482.000	57.004.725
56	„	209.600	62.504.370
57	„	459.900	79.539.120
58	„	497.750	89.197.475
59	„	500.000	95.586.400
1860	„	550.000	97.897.000

*) Въ объявленіяхъ купцовъ въ 1822 году упоминаются также золото и серебро въ слиткахъ (см. «Всероссійскій товарообмѣнъ въ Нижнемъ Новгородѣ», Записки и т. д., томъ 1, стр. 125).

Къ ассигнаціонной реформѣ 1839 года.

Записка о монетномъ обращеніи Графа Сперанскаго съ замѣчаніями Графа Канкрина.

А. Н. Фатѣевъ.

Вывести денежное обращеніе Россіи изъ тисковъ ассигнаціонной системы было общей цѣлью финансовой реформы 1839 года. Достигая этой цѣли, стремились уничтожить вредный наростъ: простонародные курсы или простонародный лажъ.

Дѣло это тянулось долго. Но съ 1834 года вопросъ о лажѣ былъ поставленъ, въ законодательномъ порядкѣ, оффиціально. Въ Особенной канцеляріи по кредитной части и въ иныхъ спеціальныхъ учрежденіяхъ накопилось нѣсколько проектовъ реформы.[1]) Когда съ ними ознакомились, стало всѣмъ яснымъ, что дѣло это подъ силу Сперанскому, предсѣдателю Департамента законовъ и предсѣдателю же Соединенія этого департамента съ Департаментомъ экономіи, гдѣ, по правилу, оно должно получить заключеніе передъ внесеніемъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

Было условлено, что онъ долженъ притти къ соглашенію о главныхъ основахъ съ министромъ финансовъ Канкринымъ. Сохранилась, по этому поводу между ними любопытная оффиціальная переписка.

Основанія, предложенныя авторомъ законопроекта, являются развитіемъ его обширнаго (нѣсколько сотъ страницъ) плана финансовъ, предложеннаго Государственному Совѣту въ 1810 году (самый законопроектъ заключалъ 283 §§). И планъ, и самое образованіе въ этомъ же году Государственнаго Совѣта составляютъ часть общихъ реформъ русскихъ политическихъ учрежденій Сперанскаго. Они подвергались критикѣ Карамзина въ секретной запискѣ, сочиненной историкомъ по предложенію великой княгини Екатерины Павловны и ею же переданной только одному императору Александру I, покровителю, въ то время, своего государственнаго секретаря Сперанскаго.

Въ запискѣ историографа отведено мѣсто и критикѣ финансовыхъ идей Сперанскаго объ ассигнаціяхъ.

Такимъ образомъ, передъ нами работа по одному и тому же вопросу трехъ замѣчательныхъ умовъ и дѣятелей той эпохи. На рѣшеніи его отражаются методъ, воззрѣніе и политическія черты теоретика, практика и публициста-историка. Самый же вопросъ нелишенъ инте-

---

[1]) Черезъ три года послѣ занятія должности министра финансовъ въ 1826 г., Канкринъ представилъ въ Государственный Совѣтъ свой проектъ денежной реформы. Проэктъ былъ отвергнутъ.

реса и для настоящаго времени съ точки зрѣнія общей теоріи и политики права. Явленіе простонароднаго лажа, разсмотрѣнное въ предшествующей статьѣ,[2]) съ бытовой стороны, органически связано съ ассигнаціонной системой.

I.

Прежде всего, любопытно отмѣтить, что явленіе простонароднаго лажа носило на себѣ признаки обычнаго права. Передъ тѣмъ, какъ уничтожить это явленіе, законъ вынужденъ былъ не только терпѣть его, но и признавать. (Ср. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 1827 года, 17 октября). Въ процессѣ образованія обычнаго права жизнь, то есть фактическая часть правовой нормы, сама становится ея опредѣленіемъ (диспозиціей). Превозмогая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, раціональную политику права, жизнь заставляетъ законъ претерпѣвать даже вредные обычаи. Законодатель вынужденъ ожидать и создавать благопріятныя условія для ихъ отмѣны. Стихійныя силы обусловливаютъ раціональную цѣлеположность человѣка, пока онъ не найдетъ средствъ овладѣть ими. Безъ принятія необходимыхъ мѣръ, операція можетъ оказаться вредной и всему организму и намѣченному новому измѣненію, de lege ferenda, регулятивнаго плана.

Другое любопытное явленіе.

Ассигнаціи были установлены для одной цѣли и получили соотвѣтственное опредѣленіе (диспозицію). Когда онѣ начали выполнять предначертанную имъ функцію, оказалось, что имъ выпала на долю и непредвидѣнная роль. Сломить упрямство жизни, до поры, до времени, по разнымъ обстоятельствамъ, законодателъ не могъ и не хотѣлъ. Sensu stricto, не значило ли это, что онъ принужденъ былъ выйти изъ предѣловъ нормы имъ самимъ поставленныхъ. Не походилъ ли онъ, въ этомъ случаѣ, на рыболова. Часть уловливаемаго проходитъ мимо клѣтокъ его сѣти. А частью попадаетъ въ нее и то нежелательное, что даже ее прорываетъ. Не такъ ли выходитъ съ нормами закона — когда отбираемыя въ нихъ факты жизни оказываются регулируемыми непредвидѣннымъ образомъ и влекутъ за собою непредвидѣнныя же явленія. Послѣднее и называется рефлективнымъ дѣйствіемъ права. Но любопытно, что санкція, сопровождающая всякую юридическую норму, какъ таковую, можетъ оказаться, въ такомъ случаѣ, бездѣйствующей. Бездѣйствующей еще и потому, что summa sedes a nemine iudicatur (ср. ниже).

Третье, что можетъ привлечь вниманіе правовѣда, заключается въ слѣдующемъ. Хотя, какъ утверждали апостолы обычнаго права, начиная Пухтой, обычное право образуется въ нѣдрахъ народнаго духа, его нормы зависятъ отъ мѣстной соціальной среды и ея условій. Простонародный лажъ — явленіе центральныхъ губерній. Ни въ западныхъ губерніяхъ, ни въ Сибири оно не замѣчается. Западныя гу-

---

[2]) Нижеслѣдующая статья является исторической справкой «de lege ferenda» къ статьѣ проф. П. А. Остроухова. (Редакція.)

берніи, ведшія сношенія съ заграницей, привыкли къ разсчетамъ на металлическую валюту — серебряный рубль.

Что же касается Сибири, то тамъ, по наблюденіямъ старожиловъ той эпохи, явленіе обратное. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «ходили ассигнаціи, серебро же, если и появлялось изрѣдка, то какъ товаръ, а не какъ монета: его покупали и продавали, какъ товаръ. И то были только одни рубли.

Мелкой монеты здѣсь вовсе не водилось: до поѣздки въ Петербургъ въ 30-хъ годахъ, я зналъ о ней только по слуху.

Между тѣмъ, во внутреннихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, и монета, и ассигнаціи ходили съ лажемъ. Купецъ покупалъ на ассигнаціи и платилъ напр. 10 рублей. Отъ него принимали ассигнаціи съ лажемъ за 11 руб. 80 коп. и отпускали ему товаръ на эту сумму, а онъ записывалъ у себя, что заплатилъ за товаръ уже не 10, а 11 р. 80 к. Намъ и въ голову не приходило, что насъ такъ обираютъ . . .»[3])

II.

Обычный способъ законодательныхъ проектовъ, — и здѣсь, — заставилъ Сперанскаго, въ лѣченіи денежнаго обращенія реформой 1839 г., изслѣдовать сначала генезисъ болѣзни. Онъ произвелъ анализъ составныхъ элементовъ денежнаго обращенія. Указалъ его недостатки и практическія мѣры цѣленія. Тутъ то со своими замѣчаніями на проектъ Сперанскаго выступилъ Канкринъ. Ниже будетъ объяснено расхожденіе между ними. Оно важно потому, что законопроектъ долженъ былъ проводить министръ финансовъ. Автора не стало въ томъ же 1839 году.

Начнемъ съ ассигнаціонной системы. Какъ и когда она появилась. Какова юридическая природа ассигнацій въ моментъ возникновенія. Каковъ механизмъ ихъ обращенія?

Сначала это — размѣнные билеты двухъ промѣнныхъ банковъ петербургскаго и московскаго (П. С. З. № 13219). Объ ихъ природѣ говорила надпись: «Объявителю сей государственной ассигнаціи ассигнаціонный банкъ платитъ ходячей монетой столько-то». Надо сказать, что ассигнаціонный банкъ образовался изъ соединеній двухъ упомянутыхъ (П. С. З. № 16407 1786 г. 28 іюня). Но тогда же въ ассигнаціяхъ открылось противорѣчіе. Надпись осталась. Промѣнъ же съ 1786 года прекращенъ. Въ этомъ противорѣчіи завязка почти столѣтней исторіи денежнаго обращенія. Реформа 1839 года — была началомъ развязки. Второе противорѣчіе: Екатерина II «святостью слова царскаго за себя и за преемниковъ императорскаго россійскаго престола» поручилась, что ассигнаціи не превысятъ никогда выше ста

---

[3]) Разсказано дѣйств. ст. совѣт. Н. П. Булатовымъ 15 февраля 1869 года. Записано Вагинымъ. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности Сперанскаго въ Сибири, т. I, стр. 569. С.-Петербургъ 1872.

милліоновъ рублей. Сумма эта была подсказана финансовой логикой. Она выражала приблизительно тогдашніе доходы государства.

Прекращеніе промѣна оставило единственный юридическій признакъ ассигнаціи: пріемъ ими всѣхъ платежей въ доходы казны. Summa sedes... Сама Екатерина II выпустила на 63.574.640 руб. ассигнаціями свыше узаконеннаго числа. Паритетъ ихъ казеннымъ доходамъ былъ нарушенъ. Ассигнаціи представляли собою будущіе доходы государства. Пріемъ въ казначейства поддерживалъ къ нимъ довѣріе. Но начальной соразмѣрности съ доходами не было. Это, — и отношеніе ихъ къ дѣйствительной денежной единицѣ: серебряному рублю, — не могло поддержать ихъ первоначальное денежное достоинство. Въ своихъ воспоминаніяхъ Растопчинъ говоритъ: «война съ Англіей не стоила намъ ничего въ отношеніи потери людей, но она уничтожила торговлю и понизила цѣну ассигнацій на 270 процентовъ»... Наканунѣ отечественной войны государство близилось къ банкротству. Сперанскій спасъ отъ него своимъ финансовымъ планомъ, о которомъ говорено выше. Въ части его объ ассигнаціяхъ намѣчено: перемѣнивъ въ цѣломъ систему финансовъ, прекратить выпускъ ассигнацій, ввести погашеніе ихъ частями путемъ займовъ, такъ какъ они признаны по плану государственнымъ внутреннимъ долгомъ, ввести погашеніе посредствомъ выкупа... (Это было узаконено.) Послѣ ссылки Сперанскаго, министръ финансовъ Гурьевъ, одобрившій планъ, началъ затруднять его исполненіе и замѣнять, какъ выразился Карамзинъ, своей нелѣпой системой финансовъ. 9-го апрѣля 1812 года ассигнаціи были объявлены формально денежнымъ знакомъ. Пріемъ платежей въ государство металломъ отмѣненъ. Цѣна серебра понизилась. Ассигнаціи заняли какъ бы привиллегированное мѣсто въ денежномъ обращеніи. При платежахъ государству ежегодно объявлялся принудительный податной курсъ по отношенію къ серебряному рублю. При частныхъ платежахъ возникла система лажа. Денежное обращеніе стало хромать на обѣ ноги. Когда обѣ ноги были соразмѣрны, — отношеніе ассигнацій къ доходамъ государства могло быть измѣрено. Теперь же счетъ могъ быть сдѣланъ, опираясь на тѣ квитанціи, какія выдаются при взносѣ ассигнацій въ доходы государства. А такой счетъ весьма несовершененъ и не давалъ точнаго представленія объ оборотѣ денежныхъ знаковъ. Шли въ слѣпую.[4]) И лишь упадокъ цѣны ассигнацій на опытѣ давалъ нѣкоторое основаніе для учета соотношенія. Выпуская новыя ассигнаціи, государство дѣлало внутренній заемъ въ счетъ будущихъ доходовъ. А пониженіе цѣны ассигнацій въ силу различныхъ причинъ, дѣлало этотъ заемъ все убыточнѣе, такъ какъ приходилось платить по займу все большіе %%. Теряли и тѣ, кто имѣлъ фиксированные доходы.

---

[4]) Сперанскій доносилъ въ письмѣ Александру I-ому — январь 1813 г. — «безъ умысла, по единому незнанію. представленъ былъ неправильный счетъ той массы ассигнацій, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя (по плану 1810 г.) операціи»

Если это паденіе не было столь стремительнымъ, то лишь отъ того, что ему мѣшало развитіе производительныхъ силъ страны.

Въ 1815 году вернулись къ плану Сперанскаго: частичному погашенію ассигнацій (1824), прекращенію выпуска ассигнацій, объявленію монометаллической системы. Ассигнаціи стали подниматься въ цѣнѣ. Ихъ техническую удобность можетъ показать простой примѣръ: тысячу рублей ассигнаціями можно было уплатить пятью бумажками по 200 рублей (наибольшая купюра). Серебромъ же надо было заплатить пудъ съ третью, мѣдью 62 и ¾ пуда. Удобство еще яснѣе, если принять во вниманіе состояніе тогдашнихъ путей сообщенія, почты, затрудненія въ счетѣ и проч.

Условія возвышенія ассигнацій повели къ слѣдствіямъ въ обратномъ порядкѣ тому, что происходило съ ихъ сниженіемъ. Если казалось, что казна получала прибытокъ, для частныхъ лицъ это было убыткомъ въ видѣ новаго налога.

Да и для казны прибытокъ былъ иллюзорнымъ отъ ассигнацій: — отъ бумаги никто не богатѣетъ, кромѣ ея фабрикантовъ.

Неизвѣстность и неопредѣленность въ расчетахъ остались прежнія. Казна обезпечивала себя принудительнымъ курсомъ. Но частныя лица страховали свои интересы лажемъ. Предугадывая стихійное возвышеніе ассигнацій они въ своихъ актахъ (торговыхъ, обязательственныхъ и пр.) на серебро дѣлали скидку, а на ассигнаціи накидку. При чемъ происходилъ торгъ о размѣрахъ той или другой, какъ средство застраховать каждаго контрагента, принявъ во вниманіе степень колебанія цѣны ассигнацій по отношенію къ цѣнѣ серебра. Это не былъ торгъ въ защиту оцѣнки произведеніи своего труда, а просто «игра». Покупщикъ, напр., «знаетъ, что когда за товаръ просятъ отъ него 100 рублей монетою, то подъ симъ разумѣютъ дѣйствительно около 94 руб. И на этомъ основаніи онъ торгуется съ продавцемъ. Но другое дѣло, когда торгъ идетъ между купцомъ и простымъ поселяниномъ: тутъ обольщеніе есть уже дѣйствительный обманъ».

При такомъ положеніи дѣлъ, ассигнаціи въ денежномъ оборотѣ представляли для самого добросовѣстнаго человѣка великія затрудненія.

Для недобросовѣстнаго — а такихъ немало — обширное поприще легализованнаго обмана или вовлеченія въ невыгодныя сдѣлки.

Въ государственномъ отношеніи ассигнаціонная неопредѣленность, стихійность, можно сказать, денежнаго россійскаго обращенія дурно отзывалась на заграничныхъ курсахъ и внѣшней торговлѣ.

Исторія того времени (30-хъ годовъ и ранѣе) говоритъ, что благодаря лажамъ (съ принудительнымъ курсомъ, ежегодно устанавливаемымъ податнымъ, таможеннымъ, далѣе вексельнымъ, биржевымъ, ярморочнымъ, простонароднымъ отъ 3% до 20% и болѣе) происходила не только путаница, но и обманы. Особенно простонародный лажъ въ темной средѣ явился сущимъ бѣдствіемъ.

Денежное обращеніе стало уродливымъ дитятей, за которымъ присматривать поставлено было «семь нянекъ».

Кромѣ органовъ, обычно вѣдавшихъ финансами, учреждались спеціальные: Особенная канцелярія по кредитнымъ дѣламъ (кредитной части), Комиссія погашенія долговъ, Финансовый комитетъ и пр.

Мѣры, принимавшіяся для соразмѣрности серебра и ассигнацій финансовой администраціей, напоминали русскую поговорку: носъ вытянетъ, хвостъ увязнетъ и обратно.

III.

Вотъ условія, при какихъ пришлось выработать Сперанскому основанія финансовой реформы монетнаго обращенія. Какъ всегда, онъ исходилъ изъ коренныхъ положеній.[5])

Чтобы вывести Россію изъ этого несчастнаго финансоваго состоянія, онъ предлагаетъ сильныя мѣры и важныя пожертвованія: непреоборимая твердость, съ какою должно слѣдовать, не устрашаясь, разъ принятому плану; кто дѣйствуетъ безъ плана — дѣйствуетъ вслѣпую. Средства въ законопроектѣ постепенны; они двухъ родовъ: подготовительныя и окончательныя.

Сразу уничтожить ассигнаціи посредствомъ изъятія ихъ изъ оборота ни технически, ни экономически нельзя безъ соотвѣтствующаго эквивалента въ серебрѣ. Надо стремиться къ «монометаллизму» рядомъ мѣръ.

Первая мѣра, установленіе банковыхъ билетовъ, есть мѣра самая легчайшая; съ нея и начать должно; за нею слѣдуетъ мѣра не столь уже легкая — установленіе общаго курса законнаго и пріемъ по сему курсу серебряныхъ кредитныхъ билетовъ, вмѣсто ассигнацій, во всѣхъ мѣстахъ безъ изъятія;[6]) она будетъ второю и принять ее не прежде,

---

[5]) Богатство государства — говоритъ онъ — образуется и возрастаетъ трудомъ. Трудъ возрастаетъ и расширается посредствомъ свободнаго обращенія его произведеній. Произведенія обращаются посредствомъ мѣны. Мѣна совершается рѣдко натурой, большею частью посредствомъ денегъ. Деньги (монета) въ собственномъ смыслѣ: золото, серебро, мѣдь. («Имѣютъ двоякое достоинство: внутреннее, какъ товаръ; и внѣшнее, какъ условленный правительствомъ замѣнъ всѣхъ натуральныхъ податей и сборовъ»). Однѣ деньги, въ упомянутомъ смыслѣ, не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ обращенія. Отсюда возникла необходимость воспомогательныхъ средствъ: ассигнаціи и кредитныя бумаги.

[6]) Установленіе законнаго постояннаго курса несомнѣнно парализуетъ курсъ простонародный, то есть лажъ. Какъ будетъ вліять то же установленіе на биржевые денежные курсы? Не произойдетъ ли, въ данномъ случаѣ, напр., слѣдующее: Не будутъ ли заемщики банка размѣнивать ассигнаціи на серебро, сперва по биржевой ихъ цѣнѣ, то есть по 253 и потомъ вносить серебро это (по принудительному разъ установленному на всегда курсу, напр.) по 360. Сперанскій утверждаетъ, что «биржевой денежный курсъ весьма мало имѣетъ связи и соразмѣрности съ курсомъ вексельнымъ. Мы многократно видѣли, что въ то самое время, какъ вексельный курсъ возвышался, денежный (биржевой) упадалъ, и наоборотъ». Слѣдовательно, биржевой курсъ опредѣляется обычными законами спроса и предложенія. Является ли приливъ серебра на биржѣ, оно дешевѣетъ, ассигнаціи дорожаютъ и обратно. Спрашивается, когда же именно «капиталистъ можетъ найти для себя нужнымъ или выгоднымъ мѣнять серебро на ассигнаціи. Нужда для него можетъ настать только въ двухъ случаяхъ: въ случаѣ платежа

какъ уже перавя мѣра, учрежденіе банковыхъ билетовъ будетъ въ полномъ ея дѣйствіи.

Третья мѣра — переложеніе ассигнацій въ банковые билеты — есть окончательная. Она должна быть принята, когда уже послѣдствія второй будутъ явны.

Послѣдствія отъ каждой мѣры отдѣльно ожидаемыя, слѣдуютъ той же постепенности.

Послѣдствіемъ первой мѣры будетъ *пріостановить* дальнѣйшее возвышеніе асигнацій.

Послѣдствіемъ второй мѣры будетъ *привести курсы ихъ въ одинъ общій и тѣмъ самымъ прекратить простонародные лажи.*

Наконецъ, послѣдствія третьей мѣры есть *коренное исправленіе всего нашего монетнаго движенія* (курсивы Сперанскаго).

Надо, по его мнѣнію, привести двѣ системы, ассигнаціонную и металлическую, въ равновѣсіе, устранивъ противодѣйствія.

Первыя двѣ мѣры дадутъ равновѣсіе. Но продолжительность его не будетъ гарантирована. Естественно, что ассигнаціонная система имѣетъ границу въ количествѣ. Металлическая никакихъ предѣловъ не имѣетъ.

«Она всегда будетъ расширяться и слѣдовательно рано или поздно ассигнаціи опять начнутъ дорожать и равновѣсіе прекратится. Слѣдовательно, сліяніе двухъ системъ въ одну рано или поздно всегда будетъ необходимо».

Послѣ пріуготовительныхъ мѣръ — какъ назвалъ ихъ самъ авторъ, — онъ перешелъ къ окончательной. Она касалась переложенія ассигнацій въ ихъ массѣ, по частямъ, въ кредитные билеты. Чтобы, впослѣдствіи, перейти къ серебряной системѣ, кредитные билеты должны стать al pari съ серебромъ. Этимъ увѣнчивается окончательная цѣль — единство монетной системы въ денежномъ обращеніи Россіи.

IV.

Обратимся къ внимательному и подробному разсмотрѣнію этихъ предположеній, какому подвергъ ихъ министръ финансовъ Канкринъ, которому надлежало внести законопроектъ въ Государственный совѣтъ, послѣ смерти Сперанскаго.[7])

Канкринъ, если собрать его основныя мысли, относится крити-

въ кредитныя установленія, или платежа въ казну въ счетъ питейнаго сбора. Но если оба эти случаи и будутъ отрѣшены общимъ правиломъ законнаго курса, то тѣмъ самымъ отрѣшится и самая нужда искать на биржѣ ассигнацій».

[7]) Въ письмѣ къ государственному секретарю Корфу — біографу Сперанскаго — К. изъяснилъ, что Записка Сперанскаго, направленная въ Государственный Совѣтъ, вызвала изложеніе его Канкрина мыслей, т. е. контръ-записку, бывшую «послѣдствіемъ личнаго нашего соглашенія, по коему сообщено было мнѣ означенное мнѣніе съ цѣлью, чтобы по общемъ обсужденіи вопросовъ утвердиться на одномъ — цѣль, которая по словеснымъ бывшимъ тогда разсужденіямъ полагалась **не весьма затруднительною,** но по полученіи того мнѣнія оказалась большая разность въ мысляхъ. Почему и сдѣлалъ на оное возраженія, въ запискѣ мною изложенныя».

чески къ теоріи финансовой науки. Она всегда слишкомъ обща. Она пользуется методомъ сравнительнаго наблюденія и обобщенія надъ чужими фактами и опытомъ.

Благо своего государства важнѣе упрека въ ненаучности. Лучше полезный эмпиризмъ, взявшій во вниманіе время и мѣсто изслѣдуемаго предпріятія.

Министръ финансовъ приходитъ къ совершенно правильному практическому выводу: кредитъ и вообще денежныя дѣла зависятъ не отъ одного соблюденія вѣрныхъ теоретическихъ правилъ и не отъ однихъ счетныхъ соображеній, но на оное дѣйствіе имѣютъ моральное убѣжденіе[8]) и нерѣдко случайныя обстоятельства, вліяніемъ которыхъ иногда могутъ возродиться совсѣмъ другія послѣдствія нежели какихъ ожидали отъ предпріятія, особливо же у насъ, такъ какъ понятія о сихъ предметахъ еще недовольно просвѣтлились, чему служитъ доказательствомъ самый простонародный курсъ (или лажъ).

Второе. Во всякомъ, тѣмъ болѣе дальновременномъ огромномъ предпріятіи, нужна осторожность. Такова реформа денежнаго обращенія. Не сразу рѣшительныя и окончательныя мѣры, не ломка стараго, а постепенное улучшеніе, быть можетъ даже малыми долями, въ ея проведеніи и планированіи. Канкринъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій называетъ ихъ «гомеопатическими».

Третье. По его мнѣнію, денежное обращеніе, если обобщить его мысль, есть служба связи экономическаго оборота государства во всемъ его объемѣ. Съ другой стороны, оно — реалистическій выразитель, если правильно поставлена эта связь, производственныхъ, распредѣлительныхъ отношеній государства. Добывающая и обрабатывающая промышленность, вотъ основы финансовъ и оплотъ его независимости отъ импорта, которому не надо отдавать въ жертву валютный балансъ. Экономія есть мать финансовъ. Выводъ тотъ, что теорія тогда только полезна практическому дѣятелю, если онъ держитъ ее въ рукахъ контрольными фактами.

Съ такого рода фактами, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ по должности, Канкринъ подошелъ къ провѣркѣ и оцѣнкѣ основаній, предложенныхъ Сперанскимъ къ реформѣ 1839 года.

Проэктъ Канкрина въ основныхъ чертахъ отвѣчалъ основаніямъ Сперанскаго.

---

[8]) Подъ моральнымъ убѣжденіемъ, насколько можно судить, Канкринъ, какъ искушенный юристъ администраторъ, знакомый съ соціальной психологіей и на опытѣ, подразумѣваетъ довѣріе народныхъ массъ къ государственному кредиту. Въ нихъ не надо, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Карамзина, разрушать довѣрія къ идеалистической цѣнности денежныхъ знаковъ. Карамзинъ въ особенности настаивалъ на значеніи въ этомъ отношеніи властнаго санкціонированія денежныхъ символовъ. Условная цѣнность денежныхъ знаковъ въ его глазахъ малого стоитъ передъ правовой гарантіей. Счетъ денегъ начинаетъ выступать, какъ категорія, въ цѣнности внѣшней, международной. Въ этомъ случаѣ, онъ можетъ разсматриваться, какъ долгъ. Внутреннихъ долговъ историографъ не признаетъ. Противъ мнѣнія Сперанскаго, что ассигнаціи государственный долгъ, Карамзинъ возстаетъ со страстью публициста. Ихъ сущность въ платежности, соразмѣрности съ цѣнами вещей, и, конечно, государственной гарантіи.

Его замѣчанія на эти основанія лучше всего покажутъ въ чемъ министръ расходился съ предсѣдателемъ Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, — Сперанскимъ. Расхожденіе объяснялось разностью личностей и разностью положенія.

Идея Канкрина заключалась въ необходимости не только слѣдить за явленіями денежнаго оборота для ихъ изученія. Онъ, какъ показало проведеніе имъ реформы послѣ смерти Сперанскаго въ 1839 году, очень опасался тѣхъ, по его мнѣнію, неудержимыхъ силъ, которыя тотчасъ же начинаютъ дѣйствовать въ денежномъ оборотѣ, какъ только выпущены изъ казначейства денежные знаки. Они, подобно потоку, разливаются въ границахъ, какія предоставлены законами. Предсѣдатель Департамента Законовъ стремился основать свою реформу на постиженіи реальнаго экономическаго и финансового оборота. Канкринъ болѣе опирался на законоположныя мѣры. Сперанскій въ этой реформѣ являлся какъ бы инженеромъ-архитекторомъ шлюзовъ, регулирующихъ потокъ. Канкринъ, по своему положенію, строителемъ, и по характеру, мастеромъ, несущимъ отвѣтственность за каждую мелочь.

Поэтому онъ и относится скептически, какъ мы видѣли, къ теоретическимъ правиламъ и счетнымъ соображеніямъ. Нужно по отношенію къ тѣмъ и другимъ поставить рядъ контрольныхъ вопросовъ.

Какіе же это вопросы? Знакомясь съ ними надо помнить основанія Сперанскаго. А узнавъ отвѣты на нихъ Канкрина, сравнить ихъ съ этапами проведенія реформы 1839 года, растянувшимися на три съ половиной года.

Тогда станетъ яснымъ, что въ основаніяхъ, эта реформа болѣе соотвѣтсвуетъ предположеніямъ Сперанскаго, чѣмъ отвѣтамъ въ замѣчаніяхъ министра финансовъ.

1. По уравненіи ассигнацій съ серебромъ, должны ли онѣ опять такъ возвышаться, что снова надобно будетъ терпѣть всѣ неудобства повышенія?

Канкринъ отвѣчаетъ утвердительно. Причины: подвижность ассигнацій, увеличеніе на нихъ потребности и лажъ у торгашей и мѣнялъ.

2. Можно ли сохранные или депозитные билеты принимать во всѣхъ казначействахъ вмѣсто ассигнацій по податному (казенному) курсу въ 360 коп.? И можно ли объявить курсъ сей постояннымъ и неизмѣннымъ?

На первый вопросъ отвѣтъ утвердительный. На второй — отрицательный.

3. Можно ли воспретить пріемъ вкладовъ на %% звонкой монеты съ прекращеніемъ %% преждепоступившихъ.

Нѣтъ настоятельной надобности.

4. Будетъ ли необходимымъ послѣдствіемъ сего правила прекращеніе простонародныхъ курсовъ (лажа).

Лажъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ прекращенъ «какими-либо другими мѣрами, какъ развѣ пенальными законами».

... Есть примѣры, что обязательства, законнымъ порядкомъ заключенныя, выплачиваютъ по привычкѣ по счету на монету».

А этотъ счетъ и влечетъ за собою лажъ.

Опускаемъ другіе вопросы, отвѣты на которые не оказали вліянія на реформу, кромѣ установленія детальной ясности. Перейдемъ къ вопросу главному, поставленному Канкринымъ, контролирующему основанія Сперанскаго:

«Какое значеніе можетъ имѣть переложеніе ассигнацій въ кредитные билеты постепенно ежегоднымъ обмѣномъ на серебро извѣстнаго количества ассигнацій, пріобрѣтаемаго займомъ внутреннимъ или внѣшнимъ».

Канкринъ не считаетъ теперь удобовозможнымъ предначертать рѣшительный планъ для переложенія ассигнацій.

Нельзя назначить ассигнаціямъ неизмѣнный курсъ. Нужна крайняя осторожность въ банковыхъ дѣлахъ, зависящихъ отъ равновѣсія между вкладами и истребованіями. Фиксація курса ассигнацій можетъ имѣть невыгодное вліяніе на внѣшній кредитъ нашъ.

Канкринъ озабочивается «внѣшними непреодолимыми обстоятельствами». «*Курсъ простонародный предполагаемыми мѣрами едва ли уничтожится, а къ нему относятся главнѣйшія жалобы*».

Особое вниманіе Канкринъ удѣляетъ простонародному лажу.

«Если — говоритъ онъ — Государственный Совѣтъ не убѣжденъ, чтобы удобно было принять теперь запретительныя мѣры или объявить просто обманомъ, если кто выплатитъ сдѣлки прямо на ассигнаціи или серебро состоявшіяся, по счету на монету, или же употребитъ сей счетъ въ другихъ случаяхъ ,— оставалось бы только повременить симъ дѣломъ до переложенія ассигнацій, *въ то же время приступить къ пенальному воспрещенію*».

Въ остальномъ говоритъ онъ: «ограничиться на первый разъ учрежденіемъ депозитныхъ билетовъ на представленномъ мною основаніи съ отрицаніемъ займовъ».[9])

V.

Основанія Сперанскаго, когда Канкринъ отъ себя представилъ въ Государственный Совѣтъ проектъ, нашли убѣжденныхъ защитниковъ.

Это былъ старый другъ Сперанскаго, адмиралъ Мордвиновъ, публично, въ свое время, защищавшій невинность Сперанскаго, князь Друцкой Любецкой, представившій свой проектъ, уступившій мѣсто проекту Сперанскаго, графъ Юлій Помпеевичъ Литта, съ 1830 года Предсѣдатель Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта и др.

Въ результатѣ былъ принятъ принудительный курсъ, противъ котораго возставалъ Канкринъ. Но не въ 360 коп., а для удобства счета 350 коп. ассигнаціями за серебряный рубль, какъ курсъ неизмѣнный

---

[9]) «Если обеспечить (теперь) всю массу депозитныхъ билетовъ металломъ, то надо платить %% вкладчикамъ. Практика иностранныхъ банковъ позволяетъ, не дѣлая займа, сдѣлать металлическій фондъ въ части, но такъ, чтобы «всегда въ кассахъ было достаточно фонда и эффектовъ въ совокупности».

и постоянный во всѣхъ сдѣлкахъ частныхъ и государственыхъ операціяхъ.

Безъ этого не могла быть проведена реформа, основаніемъ которой явилось установленіе счета только на серебро по этому курсу. Иначе, съ этого, времени, денежной единицей монетнаго обращенія узаконенъ «цѣлковый», какъ любилъ называть серебряный рубль Канкринъ. Ассигнаціи стали суррогатомъ денежнаго обращенія, какъ и объявлено.

Безъ этого не произошло бы уничтоженія простонароднаго лажа, который прекратился самъ собою, вопреки всѣмъ опасеніямъ министра финансовъ.

Черезъ полгода слѣдующая стадія реформы была пріурочена Канкринымъ къ Коммерческому Банку, замѣнившему банкъ ассигнаціонный уже тогда, когда этому послѣднему были предоставлены права всѣхъ банковыхъ операцій: учетъ векселей, торгъ металлами и пр. (П. С. З., № 16.407).

Были выпущены депозитные билеты (сохранные по терминологіи Записки Сперанскаго. Ранѣе они были только въ купюрахъ по 1000 р., теперь отъ 100 до 3 руб.), послѣ того, какъ банкъ открылъ пріемъ металловъ на сохраненіе съ выдачей означенныхъ сохранныхъ билетовъ, въ сущности росписокъ, или квитанцій, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ и были.

Нужно замѣтить, что конъюнктура для этой стадіи реформы оказалась чрезвычайно благопріятной. Увеличилась добыча серебра, въ особенности золота за послѣдніе 20 лѣтъ съ 25 п. въ годъ до 1000 пудовъ въ годъ. Масса монеты шла въ публику. Получивъ полное довѣріе къ банковской вкладной и сохранной Кассѣ, населеніе понесло металлы въ нее. И тамъ образовался черезъ три—четыре года болѣе чѣмъ 80-ми десяти милліонный фондъ. Уже въ первый годъ набралось около половины этой суммы.

Съ такимъ покрытіемъ можно было начать третью стадію реформы: выпускъ кредитныхъ билетовъ, въ которые надлежало переключить постепенно всю остальную массу ассигнацій. Для начала было положено обезпеченіе новыхъ денежныхъ знаковъ одной шестой металла ихъ наименовательной цѣны. Законъ 1 іюня 1841 года. И они были выпущны только на подмогу размѣннаго фонда.

Наконецъ, когда публика отнеслась съ большимъ довѣріемъ къ новымъ денежнымъ знакамъ, а металлъ продолжалъ приливать въ сохранныя и депозитныя кассы, въ 1843 году эти кассы были объединены въ такъ названной Экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Къ ней и перешло руководство по исполненію закона объ окончательномъ уничтоженіи ассигнацій въ опредѣленные сроки. Законъ о замѣнѣ ихъ кредитными билетами былъ изданъ въ томъ же 1843 г. Простонародные курсы потеряли всякую почву. Ихъ быстрое исчезновеніе началось съ 1839 года, вопреки сомнѣнію Канкрина.

Не трудно видѣть, что общія основанія этой реформы находятся въ логической и органической связи съ Планомъ Сперанскаго 1810 г., особенно касательно освобожденія денежнаго обращенія отъ ассигнацій.

Въ своей препроводительной бумагѣ проекта реформы 1839 года въ Государственный Совѣтъ, Канкринъ опасается «впасть въ лабиринтъ умственнаго богатства и сверхъестественныхъ оборотовъ». Болѣе разсуждаетъ и дѣйствуетъ «по соображеніямъ обстоятельствъ», чѣмъ теоріи и «счетныхъ соображеній», иногда опрокидываемыхъ» разными внѣшними и внутренними обстоятельствами». И какъ эмпирикъ, не восходитъ къ генетикѣ, ограничивается пониманіемъ денегъ, какъ средства, замѣнившаго натуральный обмѣнъ. Но, въ виду невозможности, въ каждый данный моментъ произвести учетъ, (какъ по характеру денежнаго механизма, такъ и по отношенію къ оцѣниваемымъ предметамъ и пр.), Канкринъ допускаетъ долю иллюзіонизма въ финансовой психологіи населенія. И очень боится разрушенія подобнаго идеализма.

Карамзинъ исходитъ въ своей теоріи денегъ изъ государственнаго всевластія. Единственно законоположное средство обмѣна, чѣмъ дѣлаетъ его написанный на какомъ либо веществѣ (хотя бы на щепкѣ) утвержденный правительствомъ формуляръ, съ обозначеніемъ числа денежныхъ единицъ. Въ противоположность Сперанскому, видѣвшему въ монетѣ двоякое достоинство (условленный Правительствомъ замѣнъ всѣхъ натуральныхъ податей, сборовъ, и орудіе мѣны), Карамзинъ утверждаетъ, что металлъ въ монетѣ — товаръ. И не имѣетъ никакого существеннаго значенія для денежной валюты: не въ этомъ его юридико-финансовая природа. Его единственное основаніе — законъ. Изъ всѣхъ трехъ дѣятелей Сперанскій произвелъ тщательный анализъ болѣзни денежнаго обращенія Россіи. Пусть теоретическое мнѣніе о трудовой основѣ денегъ недостаточно, оппонентъ признаетъ высокія качества его работы о монетномъ обращеніи. Сперанскій, да не онъ одинъ, упускаютъ изъ вида, что природа денегъ полиформна. Напр., говоря о трудѣ и настаивая на счетномъ методѣ отношенія къ нимъ, онъ упускаетъ изъ вида, что ихъ общій счетъ въ государствѣ выражаетъ не только трудъ, но и естественныя богатства государства. Въ періодъ крайняго паденія ассигнаціонная система дошла, но не перешла въ банкротство изъ за довѣрія заграничныхъ кредиторовъ, какъ стмѣчалъ и Канкринъ, къ неисчерпаемымъ природнымъ, производственнымъ силамъ Россіи. Работу Сперанскаго съ основаніями реформы, Канкринъ назвалъ въ своемъ письмѣ о первой части «сочиненіемъ весьма замѣчательнымъ и по теоріи и фактамъ». И я увѣренъ — прибавляетъ министръ, — что оная измѣнитъ образъ мыслей у нѣкоторыхъ во многомъ.

Вторая же, практическая была «предметомъ его соображеній», приведенныхъ выше.

Какъ бы ни понимались деньги, по мнѣнію Сперанскаго, ихъ система въ государствѣ не должна быть двойственной. Двоеніе счета есть ничто иное, какъ отсутствіе твердой единицы цѣны. Необходимо единство. Такимъ образомъ, и въ своемъ планѣ 1810 г. и въ своихъ основаніяхъ роформы 1839 г. Сперанскій является предтечей позднѣйшихъ реформъ денежнаго обращенія.

Nr. 21. N. O. Lossky: Transsubjectivity of sense-qualities.
Nr. 22. N. Andrusov: Vergleich der fossilen Bryozoenriffe der Halbinseln Kertsch und Taman mit anderen riffartigen zoogenen Bildungen.
Nr. 23. D. Andrusov: Subdivision des nappes subtatriques sur le versant nord de la haute Tatra.
Nr. 24. М. В. Шахматов: Компетенція исполнительной власти в Московской Руси. Ч. I. Внутренняя охрана государства.
Nr. 25. Nadine Yastreboff-Ragozine: Conception et analyse de l'homme en France au XVII siècle.
Nr. 26. Ar. Fatéev: Le problème de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité historique d'Alexandre I. Part. II.
Nr. 27. W. S. Iljin: Precipitation of calcium by plants on different habitats.
Nr. 28. J. Lapchine: La phènoménologie de la conscience religieuse dans la littérature russe.
Nr. 29. А. Л. Бем: „Фауст" в творчествѣ Достоевскаго.
Nr. 30. N. O. Lossky: Creative Aktivity, Evolution and Ideal Being.
Nr. 31. A. Florovskij: Le conflit de deux traditions - la latine et la byzantine - dans la vie intell. de l'Europe Orient. aux XVI-XVII s.
Nr. 32. П. А. Остроухов: Движеніе цѣнъ на чай на внутреннемъ рынкѣ Россіи в XIX ст. до реформы русско-кит. торговли в Кяхтѣ в 1861 г.
Nr. 33. G. Sirjaev: De albi serie sect. Orobus gen. Lathyrus, II.
Nr. 34. L. Cernosvitov: System der Enchytraeiden.
Nr. 35. J. Lapchine: La phénoménologie de la sonscience religieuse dans la littérature russe II.
Nr. 36. Христо Н. Гандіевъ: К изученію дѣятельности русскаго оккупаціоннаго управленія в Восточной Румелии 1878-1879 г. г.
Nr. 37. M. Novikoff: Sur la question des rapports entre la forme et la fonction des organismes.
Nr. 38. М. В. Шахматов: Компетенція исполнительной власти в Московской Руси. Ч. II. Охрана личности.
Nr. 39. D. Ivantzov: Essai de Sociologie sur l'optimisme révolutionnaire.
Nr. 40. Ar. Fatéev. Le prebième de l'individu et de l'homme d'état etc. Part. III.
Nr. 41. W. S. Iljin: Calcium content in different plants and its influence on production of organic acids.
Nr. 42. J. Lapchine: A. Spir, sa vie, sa doctrine.
Nr. 43. P. A. Ostrouchov: Ruští rekonvalescenti na Zbraslavi ve válce r. 1813. I.
Nr. 44. N. Andrusov: La faune du Burdigalien et de l'Helvétien de la Slovaquie occidentale.
Nr. 45. N. Lossky: Mystical Intuition.
Nr. 46. E. F. Maximovič: Doctrine marxiste léniniste appliqée à l'étude concrète de l'histoire.
Nr. 47. B. N. Odintzov: Evaporation as agent of soil fertility.
Nr. 48. A. Florovskij: Obchodní styky Čech a Moravy s východní Evropou v XVI. a XVII. století.
Nr. 49. B. Lossky: Francouzské umění v českých zámcích.

Nr. 50. E. Mělnikov: Plzeňská vása antická s grypomachií a starověké vázové malířství jižního Ruska.

Nr. 51. M. Novikov: Organisační činnost ruských učenců v Čechách.

Nr. 52. F. Nikišin: 15 let vědecké činnosti ruských lékařů v Čechách.

Nr. 53. D. Andrusov: Dnešní pojetí geologické stavby západ. Karpat.

Nr. 54. M. V. Šachmatov: Ruská starodávná průvodní listina vyslanci Ferdinanda I., krále českého atd.

Nr. 55. A. Bém: Ruští učenci v Praze (léta šedesátá).

Nr. 56. N. Jastrebová-Rogozinová: Česká humanitní myšlenka, její obsah a význam:

Nr. 57. S. G. Puškarev: Městský stav a městské zřízení v Čechách v 14. a 15. století.

Nr. 58. P. A. Ostrouchov: Ruští rekonvalescenti na Zbraslavi ve válce r. 1813. II.

Nr. 59. L. Černosvitov: Vliv ledové doby na složení dnešní fauny.

Nr. 60. I. Lapšin: Zapomenutý velikán.

Nr. 61. D. Vergun: Opatření ministra Bacha k ochromení karpatoruského obrození r. 1849—50.

Nr. 62. B. Odincov: Závislost sklizně na vypařování. (Podle dat české nížiny)

Nr. 63. A. Vilkov: Plánování úvěru.

Nr. 64. Vznik a činnost Ruské vědecké společnosti badatelské.

Nr. 65. A. Fatéev: Le problème de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité etc... Part. IV.

Nr. 66. W. S. Iljin: Quantitative microanalysis of salts and organic acid in plants.

Nr. 67. С. Г. Пушкарев: Происхожденіе крестьянской поземельно-передѣльной общины в Россіи. Часть I.

Nr. 68. J. Lapshin. An Essay on the Russian Actor. (A psych. and aest. study).

Nr. 69. П. А. Остроухов: К вопросу о значеніи русско-китайской мѣновой торговли в Кяхтѣ для русскаго рынка в первой половинѣ XIX-го вѣка

Nr. 70. N. Lossky: An Epistemological introduction into logic.

Nr. 71. Всеволод Саханев: Из исторіи Россіи конца XVIII столѣтія.

Nr. 72. Ar. Fatéev: La disgrâce d'un homme d'Etat. I.

Nr. 73. W. S. Iljin: Boden und Pflanze. II. Physiologie und Biochemie der Kalk- und Kieselpflanzen.

Nr. 74. G. Širjaev: Astragalus Huberii, A. Skřivanekii et A. Lorochuensis species novae.

Nr. 75. N. Losskij: Psychologie des menschlichen Ich und Psychologie des menschlichen Körpers.

Nr. 76. П. Н. Савицкій: За творческое пониманіе природы русскаго міра.

Nr. 77. С. Г. Пушкаревъ: Происхожденіе крестьянской поземельно-передѣльной общины въ Россіи. Часть II.

Cena svazku 10 K.

E. Wichner, Praha-Břevnov 201.